

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

223.1.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

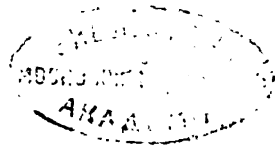
8

351

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

И. Срезневскаго.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

27223.1.50

✓

LIBRARY OF THE HARVARD-YENCHING INSTITUTE OF CHINESE STUDIES

58 * 2

LIBRARY OF THE HARVARD-YENCHING INSTITUTE OF CHINESE STUDIES

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 октября 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

LIBRARY OF THE HARVARD-YENCHING INSTITUTE OF CHINESE STUDIES

LIBRARY OF THE HARVARD-YENCHING INSTITUTE OF CHINESE STUDIES

LIBRARY

О языческих вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ писали многіе: одни заботились о подробностяхъ частныхъ, о объясненіи и разъясненіи данныхъ, важныхъ исключительно для древностей Славянъ; другіе отваживались и на общенеторическіе выводы; или разсматривая истолкованіе Славянскую въ соотношеніи съ мнѣніями другіхъ народовъ, или посредствомъ сравнительнаго объясненія ихъ взаимно. До извѣстной, не очень видной степени, достигали своей цѣли и тѣ и другіе; была впрочемъ болѣе удача, чѣмъ успѣховъ. Извѣститель встрѣчаетъ неразрѣшенныхъ вопросовъ несравненно болѣе, чѣмъ удовлетворившихъ вопросовъ. Собрать много фактовъ, но привычка ушла отъ нихъ, очень немногіе изъ нихъ.

Для объясненія языческаго богослуженія древнихъ Славянъ не сдѣлано и того. Вниманіе обращалось на него только мимоходомъ; но его свяжетъ вѣрованіями и постоянно ограничивалось въ кругѣ свѣдѣній, давно извѣстныхъ. Нѣтъ до сихъ поръ ни одного сочиненія, въ которомъ бы этотъ предметъ разсмотрѣнъ былъ сколько нибудь обстоятельно, нѣтъ даже простаго сборника фактовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что недалеко уже время, когда напрасно будетъ обращаться къ преданіямъ и обычаямъ народнымъ для изученія древнихъ языческихъ обычаевъ и преданій, и когда, слѣдовательно, многое, что требуетъ объясненія въ свидѣтельствахъ современниковъ въ этомъ отношеніи, не будучи отмѣчено въ свою пору, останется на всегда необъясненнымъ. Вотъ что внушило мнѣ мысль издать нон изсѣдованія о языческомъ богослуженіи Славянскомъ, соединивши въ нихъ съ современными свидѣтельствами все, что изъ остатковъ языческой обрядности удалось мнѣ заимствовать въ народѣ. Матеріаломъ мною собраннымъ желаю посылно облегчить трудъ мѣстныхъ наблюдателей, и издаю его не столько какъ пособіе для изученія языческаго Славянскаго богослуженія, сколько какъ сборникъ для дополненій и поправокъ: чѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вызоветъ моя книга, тѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли.

Во «введеніи» (стр. 1—18) представленъ общій очеркъ языческихъ вѣрованій Славянъ.

Въ «главѣ первой» (19—56) заключаются свѣденія о святилищахъ богослуженія: I о нѣстахъ поклоненія стихійнымъ божествамъ воды (19—23) и огня (23—26); II. о святилищахъ горныхъ (27—28) и лѣсныхъ (28—32); III. о городищахъ (32—37), и IV. о храмахъ (37—47) и идолопоклонствѣ (48—56).

Въ «главѣ второй» (57—93) содержатся свѣденія объ обрядахъ богослуженія: I. объ исполнителяхъ обрядовъ, жрецахъ (57—61); II. о поклоненіи и молитвахъ (61—66); III. о жертвоприношеніяхъ разнаго рода, т. е. оживотвореніяхъ благовошіями, яствами и оружіемъ (66—71), и собственнымъ жертвамъ—сакламъ (71—75) и сожженіямъ (75—76) животныхъ и людей (76—79); IV. о заданіяхъ жребіемъ (80—83) и проорицаніяхъ (82—86); V. о порядкѣ богослужебнаго обряда (86—88) и религиозныхъ лиричествъ и играхъ (89—93), его сопровождавшихъ.

Вездѣ, гдѣ казалось мнѣ позволительнымъ и возможнымъ, прибавляя я къ фактамъ общіе выводы изъ нихъ, а въ концѣ книги (94—96) помѣстилъ, какъ заключеніе, краткій очеркъ этихъ выводовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ, потому что изучать ихъ мы должны или изъ сказаній новѣрцевъ, которымъ и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, или изъ преданій народа, мало по малу отставшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ, и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ

главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предполагивъ ограничить эти изслѣдованія однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я оставляю въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мнѣовъ, съ ними соединенныхъ; впрочемъ, долгомъ считаю коснуться вѣрованій въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Несмотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореііе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ — бореііе, которое могло содѣйствовать скорѣе усилеіію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было сознаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ на сѣверѣ, какъ было сознаваемо ими VI вѣкѣ на югѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшамъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ— единого бога, производителя молніи, господа міра и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совсѣмъ не знаютъ и не придаютъ ей никакой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни и, избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву общанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писатель о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающаго другимъ, прародителя ихъ всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Вѣрованіе въ единого, верховнаго Бога выражено въ обѣихъ сказаніяхъ ясно; но, сравнивая оба сказанія, выходя въ смыслъ ихъ, не можемъ не видѣть между ними разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Проко-

¹ Прокопій. De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ. Chronicon Slavorum. I. 84.

нія видимъ единого Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ, въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его нуждами и мольбами; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, всемогущимъ и невидимымъ господомъ неба, прародителемъ боговъ, далекимъ отъ людей, передавшимъ земную природу божествамъ, ему покорнымъ. Соединить тѣ и другія черты вмѣстѣ, какъ качества одного и того же божества, невозможно: различіе коренное, несомнѣстимое. Чѣмъ же объяснить его? тѣмъ ли, что понятія разныхъ Славянъ о верховномъ богѣ были различны? или тѣмъ, что Славяне съ теченіемъ времени измѣнили свое понятіе о верховномъ Богѣ? Едва ли! Напротивъ того, кажется, Прокопій въ своемъ очеркѣ смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми Гельмольдъ изображалъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его, Господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что Господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, доказательство тому есть и въ договорѣ Игоря съ Греками; тамъ читаемъ: «И елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ бога *ни* отъ Перуна».... Да будетъ клятвѣ отъ Бога *и* отъ Перуна»¹. Замѣчательно, что и Гельмольдъ не совершенно ясно представлялъ себѣ понятіе Славянъ о верховномъ Богѣ: онъ смѣшивалъ его со Святovidомъ. Въ одномъ мѣстѣ назвалъ онъ Святovidа Богомъ боговъ (*Deus deorum*), а въ другомъ назвалъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святovidу полубогами (*quasi semidei*),² а между тѣмъ, описывалъ Святovidа богомъ, который заботился не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, точно такъ же, какъ описывалъ его Саксо грамматикъ — божествомъ высокимъ, но не высшимъ.³ Нельзя опускать изъ виду этого смѣшиванья Бога боговъ съ Перуномъ и Святovidомъ, по-

¹ *Несторъ*, по Лаврент. списку. Полн. Собр. Лѣт. I Спб. 1846, стр. 20 и 23.

² *Гельмольдъ*. I, 53. II, 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6, II, 12. и пр. *Саксо грам. Historia Danica*. XIV. (rec. P. Müller et I. Welschov. Havn. 1839). 823, 826.

казывающаго, какъ высоко были чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ отдѣльно. Понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе къ понятію о Богѣ Христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они Господа міра, котораго воля править его судьбами, котораго промыслъ не допускалъ, слѣдовательно, никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (přibohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранился вѣрѣя въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовнѣмъ богомъ вѣтровъ почитали Стрибога³; богомъ грома и молн. Перуна⁴; обожали солнце подъ именами Волоса, Хорса-Дажь-

¹ Коларъ: *Národné Spiewanky Slovakův*. Budin. 1834. I. 422. *Палкошичъ*: *Böhm. Wörterbuch*. Presburg. 1821. II. 1711. • *Стары будн.* • И у Нѣмцевъ *der alte Gott.* (Grimm, 19). У Сербовъ: «стари кървник» (Вукъ, Песне. Ст. изд. II. 244).

² *Свотликъ*, *Vocabularium Latino-Serbicum*. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ словъ: *idolum* и пр.

³ Смотр. ниже, а также *Касторскаю*: Начертаніе Слав. Миеологін. СПб. 1841. стр. 130-138, 178-182.

⁴ *Несторъ*, 34. *Слово о Полку Игор.* въ Русск. Достоп. II, 62 и 214. *Юнмана Slownik Ces.* IV. 349. *Снейрревъ*: Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ — божій духъ» у *Илькевича*: Галиц. Приповѣдки. Видень. 1841. стр. 17.

⁵ *Несторъ*: 20, 23, 31, 34, 50. *Слово Христолюбца у Востокова*, Опис. Русей Руманц. Муз. Сиб. 1842 стр. 228 и 229. *Вацерадъ* въ *Словарѣ у Шафарика и Палацкаю*, *Denkmäler der Böhm. Sprache*. Prag. 1841. стр. 220. *Коларъ*, ib. I, 67 и 407.

на, въ словѣ Христолюбца, у Длугоша и пр.¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ. Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошъ говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлупа; Длугошу — Дѣвля, Дѣвана, Марана, и пр.² Древнѣйшее изъ сказаній о семейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнѣ-Фоцлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: Верховнаго Славянскаго Бога представляетъ оно родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ³. Въ дополненіе къ этому нельзя не вспомнить и отдѣльныхъ мифовъ о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію, отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Сграцца—сыномъ Сытиврата⁴; въ словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Болна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владимира⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ на его происхожденіе отъ Сварога⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Сла-

¹ Длугошъ, *Historia*. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кеплена*, Библ. Листы, 1825. N 7. 88. *Слово Христолюбца*. ib. 228.

² Гельмольдъ. I, 53. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокошъ*, *Chronicon Slavo-Sarm.* Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, *Deutsche Mythologie* (2-e A.) Gött. 1844. 643.

³ Гельмольдъ. I, 84.

⁴ *Вацерадъ* ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игоревомъ*. ib. 28, 62, 78, 92. «Погибаетъ жизнь Дажь-Божа внука. — Встала обила въ силахъ Дажь-Божа внука. Справ. Пѣтъ было пѣснь Игоревы, того (Трояна) внуку. — а выше: Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимира. — Внуку—потомокъ: Ярославе и вси внуци Всеслави.»

⁶ *Ипатьев. Лѣт.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. Спб. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. *Письмо св. Бруна къ Генриху II.* (Pertz, *Monumenta Germaniae Hanover*, 1829. V. 812). *Слово Христолюбца*. ib. 228. Справ. *Saporis Ces. Mus.* 1844 Стр. 486.

вянскихъ боговъ: мало этого для миеолога, но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ семейную связь божествъ у Славянъ существовало и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждого человѣка. Живу считали они богинею жизни ¹, а Сытиврата—богомъ времени ². Кромѣ того они вѣровали въ двѣ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. У Болгаръ онѣ называются «орисницами»: двѣ или три изъ нихъ являются къ новорожденному и предсказываютъ будущее ³. Хорутане называютъ ихъ «роженницами» и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звезду, а на землѣ свою роженницу, которая предсказываетъ ему судьбу его ⁴. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и рожаницамъ.... беззаконная трагедія иѣвимаа роду и рожаницамъ⁵». Въ Вопросаніяхъ Кирика также читаемъ: «Аже се роду и рожаницѣ крають хлѣбы и сыры и медъ?—Бороняше ведьми. Нѣгдѣ, рече, молвить: горе піющимъ рожаницѣ» ⁶. Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Давіила Заточника, духъ или привидѣніе ⁷, а словомъ «роженница» це-

¹ Прокошь. 113. Длугошь. V. 9.

² Масуды, ib. 320. Видухмидъ, Res gestæ Saxonie. III. 68. Вацераде, ib. 224.

³ Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. Дек. Отд. II. 210.

⁴ С. Вразъ, Glasî iz dubrave Žeravinske. Zagreb 1841. Стр. 118—119.

⁵ Слово Христолюбца, id. 229.

⁶ Памят. Слов. XII в. 179.

⁷ Слово Давіила Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. Стр. 236. «Дѣти бѣгають рода».

реводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденикъ», по которой всякій можетъ узнать судьбу своей жизни. Въ извѣстіи «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумніи люди вѣрующе и волхвуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать», «суженаго копей не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Данилъ Заточникъ: «ни хитру, ни гораду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «испред божје волје нкуда никамо, од суденја се не може утечи, и т. д.»² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ, какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ калитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није сиротице не би ни сунце гријало». То же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «*ja ra ne man sakati, man w'liko objewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'gotice*»⁴. Тутъ же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ — убогими, у Сербовъ — божьяками, у Хорутанъ — богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ;

¹ *Калайдовича*, Юаннъ Экв. Болг. М. 1824. Стр. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ib. 202 *Слово Данила Заточ.* ib. 231. Зане не провѣте часть моя. Повѣдаху ми, яко той ести судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму ни гораду не минути. Судъ ли то Божій, не вѣмъ, Княже, едали ты вѣси. Друзи же мои и ближніи вѣдате тое и отвергошася мене.» Въ печатномъ у *Калайдовича* это мѣсто пропущено. *В. С. Караджич*, Сръпскѣ пословице. Цетинь. 1836. Стр. 196, 244.

³ *Краледвор. рпсь.* (4-е изд. Прага). IV: 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджич*, ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долинь въ Каринтіи. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. Стр. 202.

вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ ¹.

Славяне вѣрили, что боги, и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его молевій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать; ждуть ли ему удачи въ дѣлѣ, или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ, и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ ². «Знаменье бо — говоритъ лѣтописецъ — небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или етеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ». У Руянъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее ³. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣститель страшной войны, онъ выходитъ изъ шора; огромный, съ бдестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валаяся по тинѣ ⁴. «Овъ кобені пѣтичь смотритъ, овъ стрѣтѣниа съвнитъся» — говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзина ⁵. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ поты и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хожемъ поити, которая череда поиграеть, то станемъ послушающе, правая ли дѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мысли, тѣ мы и събѣ глаголемъ; добро ны потка си, добро ны кажетъ, ркуще оканниви, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитьсь, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка си додѣше поити, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ поити, то мы течемъ къ волхови; то вѣруемъ чеху и устряцю; а коли ны будетъ поити на долгій онъ путь, мы послушаемъ поткѣ ⁶.

¹ Пбнѣ-Фоцланъ у Френа, id. 9. Гельмольдъ. II, 12. Сефридъ, Vita S. Ottonis. 54 (Acta Sanctorum. Jul. 1).

² Масуди, ib. 319.

³ Несторъ. 71.

⁴ Саксо грамматикъ. 827.

⁵ Титмаръ; IV, 17. О знаменяхъ озера Гломачскаго. I. 3.

⁶ Переводъ Григорія Наз. ib. 89.

⁷ Слово Кирилла, ib. 242-243.

«Се бо не поганьскі ли живемъ—еще говорятъ лѣтописецъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то вѣзвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьскі ли есть? Се бо по дьяволу наученью кѣбъ сію держать. Друзія же и запыханью вѣрують, еже бываеъ на здоровье главѣ»¹. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичій грай», и пр.². Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо азахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафлѣ смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глладають, и смотрять дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.³. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такіа книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожай полей, по его вѣрованію, зависѣли отъ богини жизни Живы⁴ и отъ бога свѣта и солнца Святoviда. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, спрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святoviда занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говоришь жрецъ именемъ своего бога,—я покрываю травю поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»⁵. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, — и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ зем-

¹ *Исторія*. 73.

² *Кирилл Туровскій*, ib. 19. *Уставъ Владимира* въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. 1846. N. 1.

³ *Калайдовича*, Іоанъ Эка. 211-213. *С. Строева*, *Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы*. М. 1841. Стр. 125.

⁴ *Вацераде*, ib. 217.

⁵ *Сефридъ*. 129.

ных¹. Подобно земледѣлю, и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стада и пастухомъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по молениямъ Русскихъ кушцовъ передъ идолами, и по дани, платимой Святovidу купцами³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ какъ помогли боги Войширу и Честширу противъ Власлава, а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi namъ uicestuiе dаiи». Тамъ же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Сатовида, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго—Яровита, а Саксо грамматикъ—Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошъ подъ именемъ Лиды⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса»⁶. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнили люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.⁷

¹ Смотр. Коляныя пѣсни у Пауль (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10. 16 — Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. Стр. 9-10) Колара (Zpiewanky, I. 409), Корыткъ (Pesme Krain. poroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сефридъ, 129.

³ Ибнъ-Фоцланъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рпсѣ. IV, 204. VI. 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. Histor. Eccl. IV 12. Гельмольдъ. I. 23. II. 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сефридъ, 134. Эббо, 80. Книтлинга Сага, 122. (Historia pirat. jomens. Hafn. 1842. Стр. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошъ. V. 9.

⁶ Несторъ, 20. 31.

⁷ Гельмольдъ, I, 84. Срав. I, 53. Эббо, 65. Сефридъ, 158. Ипатьев. Лѣт. 5. Книтлинга-Сага, 122 (ib. 349-350). Саксо грам. 844.

Все зависѣло отъ боговъ,—и сознание ихъ могущества дѣлало человека рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ смѣлся познавать и исполнять ихъ; но они были слишкомъ сильны для него,—и онъ иногда упдалъ передъ ними, упдалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудро, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости¹. «Прошу тебя — говорилъ князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасуюсь, что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я, кажется, могу ихъ понять изъ того, что твое Конунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдешь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и оттуда я заключаю; что божества, которыми ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою»².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, и, признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій,—и послѣдняго называли Чернобогомъ, а перваго, вѣроятно, Бѣлобогомъ»³. Кое что подобное встречаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ»⁴. Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола⁵. Въ землѣ Луницкихъ Сербовъ, близъ Будишина, есть

¹ *Титмаръ. VI, 17. Кралед. рцъ. VI, 46.*

² *Сага Олава Триггвсона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).*

³ *Гельмольдъ. I, 53. Malum deum sua lingua Diabol sive Zerneboch, id est nigrum deum, appellant, — bonum que Belboch (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).*

⁴ *Густин. Лѣт въ Полп. Собр. Лѣт. II. 273.*

⁵ *Геннина, Речный Словарь Люнебург. нарѣчія подъ слов. Schwarz и Teufel.*

гора Чернобогъ, и подлѣ нея другая—Бѣлобогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія ¹. Трудно опредѣлить, какое именно мѣсто занималъ богъ ~~зла въ миеологии~~ Славянской; ясно, впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властелиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ миеологии Славянской съ миеологіями другихъ сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ ². Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ Христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода человѣческаго. Какъ бы то ни было, впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянинѣ язычникѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ оую зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилы: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ ея или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства, и въ свидѣтельствахъ современниковъ,

¹ *А. Штуръ*, Cesta do Lužic. Časop. Čes. Mus 1839. Стр. 476 477. *К. Шрейскеръ*. Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые бонѣ* (лѣсъ и дугъ) находится у большой дороги отъ Москвы къ Троицъ, не доѣжая 15 верстъ, близъ села Городна. На Ревѣ (въ Помераніи), близъ ея устья въ море, былъ островъ съ монастыремъ, называвшійся именемъ *Бѣлобога*. Codex Pomeraniae diplomat. Greifswald. 1843. Стр. 70.

² Edda Sæmundar hins fróða III. Hafn 1828. 498 и слѣд. *Парбултъ* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукописи, воспѣвающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла и остается до тѣхъ поръ полѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Влаславъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne mozesz; Morgna ici airase w nos czgnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w srgu zemiu tecie; ai a wiide z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo-tamo doniz mrtew ne zzen». Палъ Людекъ, пораженный Забоемъ: «letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista l.udiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlat i dusa uigazi». Битва окончена, много мертвыхъ лежить на полѣ, и wiele dus tieka siemo tamo po drsieueh, i ich boie sie¹ ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Юношу-воина застыгъ лютый врагъ: «wirazi z iunose dusa dusicu; sie uiletie pieknim tahlim hrdlem, z hrla krasnima rtoma². Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ ней сказано, что жрецы Номоранъ увѣряли народъ, будто они владѣть, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходить къ другой жизни въ небо³. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Петрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говорить онъ—имѣеть девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служить для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе, что Стисъ, пролившись девять разъ, смиряеть погибшія души язычниковъ»⁴. По сказанію Длугоша, язычnickи Поляки молились Нію, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада⁵. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся, какъ увидимъ, самого состоянія души по смерти тѣла; они будутъ приведены ниже. — Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной

¹ Краледв. рпс IV, 218-224. VI, 161-164, 229-232, X, 17-20. Въ параллель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «изрони жемчюжну душу изъ тѣла чрезъ злато ожерелье». Слово ополку Игор. ib. 180.

² Мацеевскій, Pamiętniki Słowian. SPB. 1839. II. 107.

³ Адамъ Брем. Historia Eccles. II. 11.

⁴ Длугошъ. V, 9.

душѣ, довольно вспомнить о двухъ болѣе важныхъ. У Славянъ язычниковъ былъ обычай сжигать мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещи, но животныхъ и людей, или же погребать съ мертвыми все, что было ими любимо въ жизни. Этотъ обычай предполагаетъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усоншими въ другой жизни¹.—Что касается до народныхъ преданій, то и въ нихъ найти можно много вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокоиваетъ тѣнь убиеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у знахарей и вѣдьмъ, принимающихъ на себя по волѣ различные тѣлесные образы, о душахъ человѣческихъ, заключенныхъ въ деревьяхъ и т. д.

Съ понятіемъ о безсмертіи души неразлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами Хѣѣжа. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай². Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обрекшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу — говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ всѣ мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальные обряды: «Мы сжигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»³. По вѣрованію Сла-

¹ *Несторъ*. 6. *Краледвор. пнс.* IV, 224. *Масрикий*, *Strategicon* XI, 5. (*Шафарикъ*, *Slow. Star.* 969). *Левъ Діаконъ*, *Historia*. IX, 6. *Винфридъ Бокифацій* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, *ib.* 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Амберикъ*, I, полъ г. 751. *Масуди*, *ib.* 314, 317. *Димсика*, *ib.* 353. *Ибнъ-Фоцланъ*. *ib.* 11—21.

² *Масуди*. *ib.* 317.

³ *Ибнъ-Фоцланъ*. 17—21.

внѣ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него только посредствомъ мужчины и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говорить Масуди—послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами¹. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки². Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самого значенія этого слова³ и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ Бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, отсюда сѣмена жизни закупаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ⁴. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала во смерти одна и та же участь; что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей исправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ. Послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, давали такую клятву: «Еяко ихъ есть нехрещено, да неимуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не учитатся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій»⁵, если измѣнятъ слову. Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались непріятелю, но, вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ; а цѣлныи, при погре-

¹ Масуди. ib. 317.

² Димешки, ib. 353.

³ Юрманъ, Słownik III. 786. Лінде, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимковичъ, Корнесловъ Рус. языка. Спб. 1843. II. 37.

⁴ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смолр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7; тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

⁵ Несторъ 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій».

боялись вѣнговъ, а можетъ быть и въ другихъ случаяхъ, были убиваемы, вѣроятно, съ мыслию, что они будутъ на томъ свѣтѣ рабами павшихъ въ битвѣ. Вѣра, что на свѣтѣ ожидала на томъ свѣтѣ одна и таже участь, Славяне молили своихъ боговъ устроить ее сколько можно лучше, вѣрили, что молитвами другихъ можно искупить себѣ помилованіе и послѣ посмертнаго вкуса, съ этою цѣлію совершали поминовенія усопшихъ, принося по нимъ жертвы и моления¹. Недостойный божескаго прощенія погибалъ, по вѣрованію Славянъ, въ неугасимомъ огнѣ «пекла», Слово «пекло», какъ остатокъ языческой старины, сохранилось и до сихъ поръ почти во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, въ давние вѣки перешло изъ нихъ и къ соседнимъ народамъ². Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провалахъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло называютъ пропасти горы Ситна, и злого духа называютъ духомъ пропасти, пропастиникомъ, пропастикомъ; о пропастяхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Полаковъ, Лужичанъ³... Не-

¹ Левъ Діаконъ. XI, 6. 8.

² Адамъ Бремъ. II, 11. Длугосъ. V. 9. Пожизненные обичаи, свѣдѣвшіе съ христіанскими, остаются отчасти и до сихъ поръ.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, rjekuo); у югозападныхъ—пакло (пакло, паку. и т. д.); у Литовцевъ—pėklā, у Мадьяръ—rokol.

⁴ Коларъ, ib. I, 18, 429. Это оно, Wyklad ku Slawy dcerze. Pest. 1832. 403. Юнманъ, ib. III, 682. Динде, ib. II, 1120—1121. и пр.

Слитно ли съ понятіемъ о пеклѣ, или по суевѣрью особенному, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: остатки этого повѣрья безсознательно сохраняются и до сихъ поръ. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твоје!» У нихъ же поговорка: «изгинуо као нејеѣрац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти владѣвъ со смертію животныхъ. У всѣхъ же Славянъ есть заклинанія, чтобы Богъ наказалъ неправаго смертію: «Богъ меня убей, бій тя сила божа, niech mie ran bóg zabije, zobu tje boh zabiu, да ме богъ убије, праваго боже» и пр.: подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Титмара (I, 7.) что по вѣрованію Славянъ временная смерть оканчиваетъ все.

смотря, впрочемъ, на эти опасенія Славянна язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодти боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищаль себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ соженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отиѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконъ, разсказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человека огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ соженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ, столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычнковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя сомнѣваться, что въ нее вѣряли Славяне и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главныя догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищъ, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилостивить боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны и, опираясь на вѣрованія въ благодть боговъ, вели за собою веселыя прішества.—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СВЯТИЛИЩА ВОГОСЛАВЛЕННЫХ.

I.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ обозначали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ которыми, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простыя жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ. Земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря: это видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свѣта, втоді не было неба нї земля, неба нї земли, лемъ сине море». Замѣчательнъ пригѣвъ къ этой пѣсни: Подуй же, подуй, Господи, изъ духомъ свѣтымъ по земли!», напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая Морю имя «свѣта вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому-то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть тоже подобное преданіе, примененное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторят-

¹ Бурецкаго, Собраніе колядокъ. № 1. К. Семитюскаго, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. Сиб. 1843. Стр. 56.

ся море какъ что-то священное, а ключи и озера, почитаемые священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунаками, самодивами и пр. Нельзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава-Стыдливаго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣвенскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ книгахъ Оомы Штитваго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д. Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водѣ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Проконія: «Славяне—пишетъ онъ—обожаютъ рѣки, нимфы и въ некоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ». (Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Проконіемъ, находимъ: «Овъ рѣкѣ богыни нарицають и звѣръ живище въ неси тако Бога нарицаю трѣбѣ творитъ»). У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуется между

¹ Срав. Шафарика статью въ Cas. Ces. 1833. Стр. 257 и слѣд. Самодивами или самовилами называются русалки у Болгаръ.

² Рус. Правда въ Рус. Достоц. II. 17. Пѣсня о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böhm. Spr. 41, 63. Козьма Праж. I. 100—111. R'ad Země České. § 68. въ Archiwé Čes. Palaukaю II. 113. Pravo Zeme České. § 150, 155. у Кухарскаю въ Давн. пам. Словъ законод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. § 78. у Кухарскаю. 124, 221. и пр.

³ Проконій III. 14.

⁴ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

прочемъ народная пѣсня ¹. У Болгаръ есть также обычай, не-
помятый тоже двѣнадцатьми, въ Ивановъ день утромъ до зари,
бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сде-
ланное изъ вѣтвей ². О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упо-
минаетъ Левъ Діаконъ: воды Святослава — пишетъ онъ — погру-
жали въ струи Дуная, мараджакъ и штуховъ по совершеніи по-
гребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ ³. Несторъ говоритъ, что
Рускіе «кладдеють в. озерамъ жертву приношаху», — а Лѣтопись
Новгородская, что наша «погани жраху илодомъ въ колодеяхъ»;
въ Уставѣ Владиміра о Судахъ упоминается о молящихся у во-
ды, въ Правдахъ Митрополита Іоанна о «же жруть бесомъ и
болохомъ и мольдвѣмъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простого
народа плеснаніемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте
собѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ и пр. ⁴. Въ
пѣсняхъ о гетѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ,
какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаяхъ приносить Волгѣ и морю
хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности ⁵. Нѣкоторые изъ рас-
кольниковъ и донынѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней ви-
дѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чащами, и при
поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя дерьги, какъ жертву.
Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезьямъ,
или студенцамъ и озерамъ ⁶. Изъ пѣсень и обычаевъ русскихъ —
говоритъ Снегиревъ — видно, что у воды совершались гаданья,
какъ напримѣръ въ семикъ. Въ одной старой пѣсни, которую
поютъ въ Подольской губерніи подѣ Межибожьемъ, замужняя

¹ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доли, те си винце пљете, један винац онајела, у морје годила!»

² *Машлатка* собственно значить: оствовъ, скелетъ, — старуха кост-
лявая, — ага-баба. Срав Малор. *маслаки* — кости животныхъ.

³ *Левъ Діаконъ*, IX, 8.

⁴ *Густин. Лѣт.* 234, 237. Лѣт. Новг. 1781 Стр. 1. Уставъ Владимі-
ра о судахъ въ доп. къ А. N. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москви-
танинъ на 1844. I. 243. *Калайдемча*, Памятники XII вѣка. 19.

⁵ *Древ. Рус. Стихотворенія* М. 1818. Стр. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба
великій суврой, а и сродю насолилъ, его въ Волгу пустилъ: а апа-
сибо тебѣ, Волга матушка рѣка. — Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю
по морю двѣнацать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я
дави-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не
опускавалъ, — по меня Садка смерть пришла».

⁶ *Снегиревъ*, Рус. правдники. М. 1839. I. 16.

жена, адева в двѣнца вопрошаютъ криницу, и та отвѣчаетъ имъ, какъ оракуль¹. Въ Малороссіи, въ Ивановъ день рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ чотырехъ молодежи, а по закатѣ солнца приносятъ въ водѣ идола и дерево или жарену, снимаютъ съ нихъ всё украшеніа, кромѣ вѣнковъ, прюютъ тѣ же пѣсни, какъ и на кануны, и съ криномъ бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и жарену. Иные спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести домою и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней². Съ этимъ обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромъ». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто и, выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать³. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій. Одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошь, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ. Изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресеніе сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обитающѣмъ духомъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее и почитаемомъ болѣе церквей. Эббо и Сефридъ упоминаютъ о священныя ручьяхъ, обтекавшихъ деревья, посвященныя богамъ; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клясться ручьями⁴. Воднымъ богамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуемъ ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліаніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть

¹ Снегиревъ, *ib.* I, 136-137. III, 113.

² Пассекъ, *Очерки Россіи*, III. М. 1840. Стр. 109.

³ Снегиревъ, *ib.* III. 134.

⁴ Длугошь. VII, годъ 1278 г. Снегиревъ, *ib.* II. 131.

⁵ Титмаръ. I, 3. VII, 52. Эббо, 98. Сефридъ. 106. Гельмольдъ, I, 84. Срав. 48.

сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромъ и съ русаліями¹. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодеземъ². У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, въ обычаѣ бросать весной въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ.

Изъ всего этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву дѣточные вѣнки, яства, деньги, вѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ, вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и танцествъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весной и середѣ лѣта. Съ вѣроятностію можно заключать, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Мѣста - селенія.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ; у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водою свѣтъ создали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается, что огонь

¹ Козьма Праж. ib. 10 и 197.

² Касторскій, ib. 150.

породилъ и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несомнѣннѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ; хотъ и не древнѣйшихъ, но, конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки¹. Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію², то можно было бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразія свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ, замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Тутъ всѣ Славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огненнымъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, судящихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь вознетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ значемъ или цвнчемъ (отъ свѣтити—внѣтити—вознѣтити)³. У всѣхъ же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ огню, какъ къ обитающему въ домахъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычай огневозжиганія въ полѣ—почти вслѣдъ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычай гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣ-

¹ Казвини, Бакуви и Абульфеда у Шармуа, ib 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

² Френъ, ib. 137-138.

³ Многіе Славяне называютъ этотъ огонь живымъ огнемъ. Сравни. Хомаковскаю путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

звѣтъ. Къ числу этнхъ общеславянскихъ обыкновений подобно причислить и древній языческій обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ отицкой очистительной: «мы сожгаемъ мертвыхъ» — говоритъ Русскій Ибавъ-Фоцланъ — такъ, чтобы они не медлѣли и безъ бадержи шли въ рай». Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго покловенія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огнѣмъ молятся, вобуть его сварождемъ. и и огнѣмъ молятся подь овня(о)мъ». О Сварожцѣ, сынѣ Свещрога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварожна сына, а другаго, — во всякомъ случаѣ сына владыки Ибба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее почитіе овь огнѣ, какъ сына бога. Что же касается до молитвъ подь овнямомъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владимира о судахъ церковныхъ: «обычны овь и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ же, какъ и у восточныхъ мѣстахъ на гунѣ совершаются даже и нѣкоторыя обряды, а въ другихъ праздноуютъ и швенны овна». Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Карилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стикіа, ни солнца, ни огня». У Поляковъ сохранились слѣды огнелюбенія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горющихъ угляхъ, мѣтъ укривено что нибудь провавшее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозреваютъ, и чей уголень въ это время покровется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатки этого гаданья существуютъ до сихъ поръ, когда въ мою дѣвнцы собираются на прыжку: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

Молитвы.

¹ См. выше ссылку о судѣ водою.

² Ибавъ-Фоцланъ, ib. 21.

³ Слово Христолюбца, ib. 228.

⁴ Уставъ Владимира, ib. I.

⁵ Стецковъ, ib. IV, 83; I, 201.

⁶ Калайдовича, Памятники XII вѣка. 19.

⁷ Антоновъ, Collectanea въ Эгоръльской Библиотекѣ. III, № 15.

лучинку, в чья скорѣ погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О зачитаніи огня древними Чехами говорятъ Козьма Пражскій и Византийское преданіе, записанное Халкондоломъ¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на щеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскитъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ извѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у рощи или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti se, sweti ogenj, sweti sel». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называемая дѣвою огня—«wogniana daklica». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываеетъ въ честь Зевса и Перуна². И что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и во обрядахъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычай гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадня дан», т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «баднякъ»³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ будто молились.

Одускою нѣкоторыя другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее: Огонь; какъ первоначальная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились — на очагѣ, подъ овинномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, челоувку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купала; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

¹ Козьма Праж. 10. Халкондоло у Стриттера, Memoriae pop. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstag; у Люнебургскихъ Славянъ—Parandan, Perendan.

³ В. С. Караджич, Српски рјечник. Беч. 1818. Стр. 16-17.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не парадите себѣ бога ни въ камени», говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ; уищевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ¹. О бѣломъ горючемъ камнѣ Алатырѣ, подлѣ котораго сокрыта сила могучая, ей же нѣтъ конца, сохранился до сихъ поръ ины въ народѣ Русскомъ². Корочуповъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія³, подобно Ковю-камяю (на островѣ Ковевѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня⁴; а въ Бюремовскомъ уѣздѣ на берегу Красной мѣчи, вокругъ Коя-камня совершается до сихъ поръ опаживанье во время скотскаго падежа⁵. Въ Положскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найти дѣловатый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «курчавымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой, однако, сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ.⁶ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказы о духахъ горъ, «горынахъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья; прислушиваясь къ отголоскамъ. У Валтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; они клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Герешкаго, близъ Рувны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahn (бужь-камя), а подлѣ Деммина есть другой священный камень⁷; вѣроятно много подобныхъ встрѣтять можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жила, или в донинѣ живутъ Славяне: таковы—Со-

¹ Слово Кирилла, въ Москвитинѣ, 1844. № 1. 243.

² Сахаровъ, Сказанія Рус. народа. Спб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ Исторія Рос. Иерархіи. IV. М. 1812. Стр. 607.

⁵ Савицковъ, ib. I. 15-16.

⁶ Касторскій, ib. 135.

⁷ Гельмольдъ. I 84. Вертольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. Стр. 559.

бѣга (Zobitberg), Кѣнигсгайнскія горы, Прашцкѣя, Вѣдбогъ и Чернобогъ и пр. О томъ, что горы и камни, обожавшѣе были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій¹. Въ пѣсняхъ Крадеворской рудокопни упоминается о скалѣ, мѣдой богатѣе, на которой совершались жертвоприношенія. У Славянъ священными горами до сихъ поръ считаются, въ некоторыхъ мѣстахъ, вершины Татравскихъ; по ихъ поверью, чѣмъ выше ихъ, собираются въ Ивановъ день на Матру, молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорватовъ имя священной горы носятъ Трыгавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскія хребты Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыхъ, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человеку, предупреждаютъ его отъ опасностей, даютъ ему, знать о нихъ, слышатъ голоса, предсказываютъ ему будущее и требуютъ отъ него жертвъ. У Хорватовъ есть обычай, оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай, превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ времени языческихъ, когда имѣлъ религиозное значеніе. У нихъ есть и пословица: «кузнецъ, вилъ, ча же тебѣ милѣ», употребляемая, когда говорятъ о вынужденномъ подаркѣ.

Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божеотцамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ, обращались, когда ждали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святынями этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видѣны до сихъ поръ въ Карпатахъ; Судетахъ, Исполянкахъ и др.

Лѣса, роши и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохраняли отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и роцахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеотцу. Судя по сказаніямъ современниковъ и по

¹ Козьма Пражскій, ib. 197.

² Крадевор. пѣснь. IV, 143—145. Срав. Стредовскаго, Sacta Morav. hist. 42.

³ В. С. Барджинъ, ib. 69—70. Ет-же. Сръско пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

народнымъ преданіемъ, это върваніе было общимъ для вѣды Славянъ. О богослуженіи подѣ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія — говоритъ онъ — Русскіе совершали жертвоприношенія подѣ большимъ дубомъ¹. Въ Уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ говорится: о тѣхъ, кто молится въ рощеніи², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «душичъ наемъ древанствъ, иже въ брусцѣхъ обвивающе»³. Этотъ по- слѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ волотаца и мотки натоки, называя это приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густинской летописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской летописи — о служеніи около вуста⁵. И хотя уже Кирилъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богамъ, ни деревьямъ»⁶; однако не только Духовный Регламентъ, запрещающій «передъ дубомъ молитвы вѣтъ, но и до сихъ поръ народъ Русскій проказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «садѣ видимой, но невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мюрецкомъ, тѣхъ о чемъ-то священномъ и пр.⁷ Семнадцатая пѣсня: «сводъ лѣсовъ столъ стоять», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ⁸. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; престою нарѣдъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное зауванье, какъ въ родъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтятъ деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штетина; а Сефридъ — о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который по-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperio. 9.

² Уставъ Владимира: № 1.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. II, пр. 216.

⁴ Косторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib. 184, 234, 257.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

⁷ Снегиревъ, ib. I, 39, II, 6.

⁸ Сахарова, ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

⁹ Снегиревъ, ib. III, 112.

читался жилищем какого-то бога¹. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными и запечатлѣтъ прежнее уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божищами»². О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много со-временныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Петрскій, священнымъ и обожаемымъ былъ и Святой боръ (Zuidbor)³. Больше подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говорить о почитаніи лѣсовъ и рощъ, какъ святилищъ и о запрещеніи клясться деревьями; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—разсказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Крошъ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были все мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, шило своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, складился народъ: на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому крошъ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы или кто, угрожасмый опасностію смерти, искалъ тутъ убійца. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщивать преступить къ разрушенію святилища и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревьевъ въ костеръ и зажгли»⁴. Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы⁵. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ

¹ Эббо. 98. *Сефрида*. 106, 168, 169.

² Голембѣскій, *Lud polski*. Warsz. 1830. Стр. 278—279. *Ходановская* Дonesеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай богъ. *Фабрицій*, *Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen*. Stralsund. II. 1843. 68. N° 132: «*due arbores que Hagebokin dicuntur*».

³ *Титмаръ* VI, 26, VII, 17. Сравни *Анналиста Сакса* подъ 1009: *Zuidibore*.

⁴ Гельмольдъ. I, 84.

⁵ Арнольдъ Любекскій. *Chronicon Slavorum*, IV, 24, (Сравни *Линна*, *Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch.* VI. Schwerin. 1841. Стр. 70). *Марескалкъ Турій*. *Annales Herulorum*. I. 4.

прежде жили Славяне, и въторыя рощи и боры называются святинами¹. О ивъторыхъ изъ нихъ народъ разсказываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Дужицахъ Саксовскихъ говорятъ, что въ танихъ «святыхъ глѣхъ» являются тѣни стародавнихъ князей и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тѣтка, научила народъ обожать дриаду, и что въ его время еще было въ этомъ народѣ религиозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ². Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «*prode wsie drua wzlozie obieci bohom*». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ же, Забой, жалуясь на иновѣрцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «*rosiekachu wsie drua i rozhrusichu wsie bohi*»³. У Словаковъ есть много воспоминаній о священныя рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ разсказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать подлѣ селеній заповѣдные «гамы», большею частію на возвышенныя мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа», который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи, подобныя тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубинѣ лѣса, въ такую чашу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца⁴. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрьями объ обитательницахъ лѣсовъ, виллахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чашѣ, и пр. У Хорутанъ нельзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ

¹ Нанр. Heiligenhai или Swent. Schwarz, Einleitung zur Gesch. 16 Nord. Deutsch. Slav. 204.

² Козьма Праж. 10, 197.

³ Краледвор. пѣсн. IV, 22—23. VI, 50—51.

Краледвор. пѣсн. VI, 15—19.

лавамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ¹. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и дѣсахъ любили язычники Славяне хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ князь ихъ Брѣтиславъ². Изъ всего, что сказано выше о дѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее: Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльными деревьями (дубомъ, липой, орѣхомъ), старыми, перѣдко душистыми, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено ильвами, иногда завѣшено тканями, брѣшными на вѣтви, — или около куста, — или же къ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣлены оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то во крайней мѣрѣ въ некоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили истава, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

Нельзя не согласиться, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Какъ памятники язычества, они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогѣ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковскаго³. Городищемъ⁴ называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукругіе, и иногда обведенная кругомъ ли, или съ какой нибудь стороны, не ровомъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ ко-

¹ Коляръ, Zpiewanku. I. 429—431.

² Андрей, V. Ош. II. 82. Козжа Праж. 142.

³ Ходаковскаго, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынъ Отеч. за 1820. N 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N 17—18. Ею же, о Słowiańszczyźnie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. Ею же, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ, I. М. 1837, кн. 3.

⁴ Рус. городище, городиско; Пам. grodzisko, Луж. rod zisce, Чеш. hradiste.

торыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на внѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ и угловатыхъ валъ образованъ по четверугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покоемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва ли можетъ быть подведено подъ какія нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что нибудь значили, насыпались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлять главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ, то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего ко входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лицо тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковский считалъ лицо или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища²;

¹ Примѣры городищъ разныхъ формъ можно найти у Ходаковского (Истор. Сист.), Калайдовича (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ). М. 1825), Ванера (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elb-ufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland. Leipz. 1839), Прейскера (Blicke. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

² Ходаковский, Истор. Система. II, 27. 93.

есть, однако, много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку нельзя не замѣтить что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. При томъ же, лицо и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лицо въ отношеніи къ тылу находится съ боку. — Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одна осыпъ, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, нельзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалъ или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже, — можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища имѣеть поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ, впрочемъ, Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ,

¹ *Ходаковскій*, Планъ путешествія. Сынъ От. № 33. Стр. 296.

Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравіи, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполиновыхъ горъ, городища небольшая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ихъ менѣе. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище¹. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковский, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что нельзя видѣть двухъ, трехъ на одной верстѣ². Факты противорѣчатъ этой догадкѣ; въ Лужицахъ, напримѣръ, чѣмъ глубже идти на югъ въ горы и чѣмъ ближе подходитъ къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно найти большое пространство, напримѣръ въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоятъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковский былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытый, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды³. Это нѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ

¹ Ravensburg. *Bartsch*, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

² Ходаковский, Истор. Сист. 11—12.

³ Ходаковский ib. 11.

мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще, мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какойнибудь стороны,—и таковы степныя не только видныя, но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой крутизною скага, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять внѣшній видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковский, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найти, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутреннего пространства завалы, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалы; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завалѣ—ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменные основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусъ². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что, слѣдовательно, это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, посвященныхъ на себѣ тотъ же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Нельзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя рощи и храмовыя города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ, какъ военныя укрѣпленія,

¹ Ходаковский ib. 53 и слѣд.

² Смotr. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Ванера*.

³ *Гельмольдъ*. I, 84. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

употреблять было бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь же общеизвѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ нельзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священный характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ, или приковывая къ себѣ какія нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изъ всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что нѣтъ пока возможности дознаться не по однимъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе именно обряды были въ нихъ совершаны, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

Переходимъ къ обзорѣнію храмовъ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокахъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, — по отверстіямъ въ верху, — по настройкамъ, слѣваннымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, — по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, раздающимся сверху зданія, — наконецъ по тому, что приключается съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ нѣлѣбная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца... тамъ же есть странныя

изображенія различныхъ Абиссинцевъ и Эфиопцевъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла¹ и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполъ, подъ которымъ стоитъ идолъ; а противъ него другой, изображающій дѣву. Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними². Нельзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но нельзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждаетъ извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: каковы Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ вѣдѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній, какъ нѣтъ свѣдѣній и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ, впрочемъ, только краткія напоминанія. О третищахъ напоминаетъ Новгородская летопись; о капищахъ—Митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеемъ данномъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей—Кіевскій Патерикъ³, и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ—сказано тамъ—ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никог-

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

² Масуди, іѣ. 319—321, 340, 358.

³ *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вѣдѣно. II. 111. Творенія Св. Отца. М. 1844. II. 204, *Карамзина*. II. Г. Р. I. пр. 225. *Третище*—храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создала третище—Vulgat: excelsa.—Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ третищи возлежаща—Vulgat: in idolio). *Третище-третище*—щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; *третище*—нужда, обрядъ—*Капище*—идолъ, жертвенникъ. (Исходъ. XXIII. 24: сокрушиши капища—Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капища—Vulgat: aras. Срав. *Карамзина*, II. Г. Р. I. пр. 458. *Капище*, по Добровскому (Срам. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ кап-ати, не нравильнѣе ли отъ кап-отъ (срав. Греч. καλυτος).

да не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы¹.—О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи упоминаютъ Длугошъ и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живецъ—хроника Прокоса, о храмахъ земли Колобрежской—хроника Титмара². Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штеттинскихъ. «Были въ Штетинѣ—пишетъ Сефридъ—четыре «контини» (contina, concina), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и живы, и, скажу за рѣдкость, краска, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились ризы драгоцѣнныхъ вещей, оружія и пр. Въ ней же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ.... Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы пировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»³. Изъ Эббопа можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой⁴.—Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ

¹ *Сага объ Олаве Триггессонѣ.* Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

² *Длугошъ.* V, 9. *Прокосъ,* 113. *Титмаръ.* VIII. 53.

³ *Сефридъ.* 104, 105. Онъ объясняетъ слово континна отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Иныя производили это слово отъ *Гонты*—Schindel (*Карамзинъ.* И. Г. Р, I. 68. *Бартольдъ,* ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ *конь-копецъ,* думали, что онъ стоялъ на концахъ города, или же съ *конь-законъ,* воображали, что онъ были мѣстами храненія законовъ (*Wiener Jahrbücher.* XXVII, 90. *Раковецкій,* Радъца Ruska. Warszawa. 1892. I. 113—114). По моему мнѣнію, continua-concina то же, что Старослав. кнѣтина—Польское kęcina: корень—кнѣтъ (кутъ, уголь); отъ него Старослав. кнѣца, Срб. куѣа, Хрт. коча (домъ). Срав. Нѣм. Katschen. Такъ *храмина* отъ *храмъ-хороми* (домъ, клѣтъ).

⁴ *Эббо.* 64. 97.

Славить. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, по имени Радегость, треугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третья, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ вѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшнѣ одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ.... Въ храмѣ хранятся священныя знамена.... Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ имъ»¹. Тотъ же самый храмъ, но позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—стояща идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Радвгастъ (Радвгастъ, Радагастъ).... Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволено только тѣмъ, кто хочетъ принести жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ упоминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту, очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирципановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руанѣ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Ар-

¹ Титмаръ. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet о восточномъ входѣ слѣдала по Брюссельскому списку, слѣдующему иванію Гизебрехта, Wend. Geschichten. Berl. 1843. I. 60.

² Адамъ Брем. II. 11—65. Гельмольдъ. I, 2.

³ Гельмольдъ. I, 21.

⁴ Гельмольдъ. I, 37, 72. 84. II, 12.

кона—пишетъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой — утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя стояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя — изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовида), а подлѣ него были узда, сѣдло, меч и пр... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядней, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма.... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже встѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ.... Тому же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ»¹. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевица, на томъ же островѣ Руянѣ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ полонъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ, не упалъ бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣщена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова,

¹ Саксо грам. 822, 823, 826. 837.

то дубовый идолъ Ружевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокъ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хроникаръ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамбергскаго: о храмѣ удивительной величины и красоты въ Гуцковѣ, о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ, Юлишѣ, Гавальбергѣ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволицъ въ городѣ Браннборгѣ намекаетъ Пудкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительнаго извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры. — Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Ружевитаго храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлѣчно отъ храма Святонивода, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія потому, что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Аркенскомъ храмѣ Святонивода: идолъ, перерубленный по ладвямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ шествіи самомъ вышлши отъ головы до середины ладвей. И хотъ идолъ былъ выше человѣческаго роста, положимъ такъ же высокъ, какъ и идолъ Ружевита, т. е. до пяти аршинъ⁶, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хроникаръ Саксо, подл. 1148.

⁴ Сефридъ. 133, 136. Эббо. 73. 80. 81.

⁵ Пудкава, Chronicon подл. 1156: Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

⁶ Саксо грам. 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

узнать, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все же нельзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстоянн были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (*propinquo parietē supina incidit*), гѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли¹. Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а вокругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно вораздо пространнѣе. Стѣны, ее окружившія, были украшены рѣзными изображеніями священнхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на внѣшней, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдвнжающею изъ стѣнъ, выпуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, пастуховъ, безъ сомнѣнн имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мнѣями. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на внѣшней сторонѣ стѣнъ храма Регрско-го: легко, впрочемъ, можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворныя боги» (*dii manufacti*), надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: нѣкоторые, подобно Рутсавтову въ Кореницѣ, состояли изъ однѣхъ колоннъ и завѣшиваемы были тканями снаружн, такъ же какъ и внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ внѣшней части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, чтобы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько нибудь поднималась надъ серединою храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только

¹ Подъ словами: *aulææ* и *purpura* Саксо г. понималъ одно и тоже Саксо грам. 837. 838.

до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю,—и, легко можетъ быть, оканчивался иногда чѣмъ нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, въ описанныхъ, подъ которыми стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ, сдѣланныхъ для наблюдений восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусъ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего вѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинѣ храмовъ. Они не могли, впрочемъ, быть слишкомъ низки: иначе бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низменность была бы кѣмъ нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршенъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Рујевиновомъ храмѣ: когда его разрушали, то стоило только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идолъ сдѣлался видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галлерей для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священные звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, нельзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гуцковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлиньскій, потому что въ немъ хранилось копье на вершинѣ столба удивительной выши-

¹ *Бюшинъ*, *Wöchentl. Nachrichten*. III. 198 и слѣд.

ны (*migræ magnitudinis*)'. — Храмы строились большею частью изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно, потому что всѣ Славяне издавна были мастера на постройки деревянныя, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того, однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянныя. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи свосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Югѣ и въ другихъ мѣстахъ развалины, которыя бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнн храмовъ. Между Арабами также послылись слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ютробогѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода¹. Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ². Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ³. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; но ни мѣстаости,

¹ Анонимъ С. Круц. II, 13.

² Диаконъ Ганнеманъ у Вагнера, Die Tempel etc. 63—64.

³ Бюшинъ, ib. 200.

⁴ Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. Стр. 342.

гдѣ ихъ встрѣчаютъ, на свидѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія¹. Нельзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчается въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карнатахъ и на горныхъ отрогахъ Прдунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаютъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. А если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.² Не смотря, однако, на все это, нельзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строены изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, нельзя забыть того, что храмъ Петрскій, по словамъ Титмара, воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣланные были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Банбергскаго;³ рога держалъ въ своей рукѣ идолъ Святовида, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ⁴; рога употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клался въ основаніе храма, а не какъ дѣятельный фундаментъ, который былъ бы слишкомъ непроченъ.—Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Петрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій

¹ *Грамлиц, Deut. Mylg.* 57—77.

² *Эббо.* 63. *Несторъ.* 23.

³ *Сефридъ* 105.

⁴ *Саксо грам.* 825.

къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной, къ которой долженъ обращаться человѣкъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворемъ, обнесшимъ оградой, которая, также какъ и храмъ, была украшена рѣзными раскрашенными изображеніями. Было ли что во дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ, впрочемъ, предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гадавія конями. Кроме того, храмы бывали богаты разными драгоценностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя, накопляясь, не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пищество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и другаго должны были при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и была при Штетинской контиѣ Триглава три меньшія контицы: полагаемъ, что онѣ всѣ были на одномъ дворѣ. Притомъ же многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма — и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго¹. — Нельзя упустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній — и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрсакаго у Титмара, и храмовъ Руанскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападеній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя временныя жилища, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудроно, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священ-

¹ Саксо грам. 843.

номъ, ненарушимомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подѣ защиту Бога, въ немъ поклоняемаго ¹.

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подѣ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе купцы въ Итиль поклонялись идоламъ подѣ открытымъ небомъ ². Тамъ не менѣе идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать, безъ разнаго рода изображеній божествъ ³. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ. — Они были не только изваянные, но и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами ⁴. У Яровита были свои знамена, какъ упоминаетъ Эббо ⁵. Имѣлъ ихъ и Святovidъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица ⁶. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Неся его передъ собою, она считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божаское и все считали себя позволеннымъ. Съ нимъ она могла опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ нечестивцевъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти княжеской» ⁷. Изъ того, что

¹ Гельмольде. I, 84. Убѣжищемъ былъ и дворецъ князя. *Севфридъ*. 87.

² Несторъ. 23, 34. *Краледв. рпс.* VI, 42—45. *Ибнъ Фоцланъ* 7—9.

³ Титмаръ. VI, 18. Гельмольде. I, 84.

⁴ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

⁵ Эббо. 71.

⁶ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангица», производя отъ стагъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станица», можно его сличить съ Срб. «застава».

⁷ Саксо грам. 830—831.

изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія рѣзные, какъ могли быть и раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на вѣшной сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на вѣшной и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими и живыми ¹. О такого же рода изображеніяхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи. а подлѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ же были и страшныя изображенія Абиссинякъ и Эѳіопякъ» ². Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ мифологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ, есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палцу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подлѣ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленого хризолита, краснаго рубина, желтаго сорделика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червоннаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву» ³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фозланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы» ⁴. Столь-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше кня-

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 822. Сефридъ. 105.

² Масуди, 320.

³ Масуди. 320—321.

⁴ Ибнъ-Фозланъ. 9.

жити Володимиръ въ Киевѣ сдѣвъ, и постави кумиры на холму анѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь... И пршедъ Добрыня Новгороду остави кумира надъ рѣкою Волховомъ»¹. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру, онъ заставляетъ ихъ сказать, что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ же слова говорятъ у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «ще суть бо бози, но древо»². Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Киевъ, «повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣщи, а другія огнени предати; Перуна же повелѣ привязати коневн ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручап, Ві мужа прстави тетн жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше смнъ образомъ чловѣкы, да възмездье приметь отъ чловѣкѣ... И привлекше вринуша и въ Днѣпръ. И прстави Володимиръ рекъ: аще кде прстанеть вы, то отрѣвайте іего отъ берега, дондеже порогы проидеть, то тогда охабитесь іего... И постави (Володимиръ) церковь св. Василья на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочи»³. О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстіе лѣтописи Новгородская: — Пріиде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсуянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужн волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не пріяти. И се иде Пидибляннъ равно на рѣку, хотя горнѣци везти въ городъ; и сяде Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ»⁴. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упомянуто въ Прологѣ⁵. — Идодамъ поклонялись и Поляки: Длугошъ упоминаеть о святилищѣ идолослуженія въ Гнѣзпѣ и объ идолахъ

¹ Несторъ. 23, 34.

² Несторъ. 33 — 36.

³ Несторъ. 50.

⁴ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вивл. II. 110—111.

⁵ Карамзинъ, И. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Доброскаго Грам. Слав. I. 269 — 271. Кошмара, Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75 (Срав. Хрт. куман - пьяница, отъ пьянства покраснѣвшій) Истукаль отъ истукаю — выливваю: Пача Берында, Лехіковъ. 1627. чд.

Дѣваны, а Бѣльскій — объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ ¹. Изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Колобрегѣ ², а изъ жезнеописаній св. Оттона Бамберскаго — о Штетинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что богъ, котораго былъ онъ изображеніемъ, управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адамъ; а глаза и губы идола покрыты были повязкою въ знакъ того, что богъ не обращалъ вниманія на грѣхи людей. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр. ³ — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя ⁴. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достоверныхъ свидѣній; у Козьмы Пражскаго есть только общій намекъ о существованіи идоловъ ⁵. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Викудиндъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди ⁶. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ нарѣзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его слѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани ⁷. Хронографъ Саксо упоминаетъ

¹ Длугошъ V, 9. Бѣльскій, Kronika Pol. Warsz. 1829. I 120.

² Титмаръ. VII, 52. Польское названіе идола balwan (слово, впрочемъ, извѣстное почти всѣмъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт: словомъ peulwan. Slow. Staroz. 324. Сравн. Лит: balwonas и Мадыар. balvanu.

³ Эббо. 55. 64. Анонимъ Сантакруц. II. 11—12.

⁴ Вацерадъ, ib. 227.

⁵ Козьма Праж. 10. Чешское названіе идола modla Юнгманъ производитъ отъ modella (Słownik. II. 481). Чешское Слово malik (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола manleika (Ahd: manaliho): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія впрочемъ, Хорут. слово malik (чортъ) идетъ въ сравненіе, Гриммъ Deut. Mth. 93.

⁶ Викудиндъ. III. 68.

⁷ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. II, 11

объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава—о треглавоиъ идогъ Браниборскомъ; Гербертъ—о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо—о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мишеходомъ намекъ, что идогъ имѣлъ свои собственные одежды; Андрей—объ огромныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гуцковскаго; Гельмольдъ—объ идолахъ Радагаста, Святотвида, Подага и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были полны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ—объ идогъ Ростокскомъ и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идогъ Святотвида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, встуканъ, съ четырьмя головами на столькожъ же шейхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идогъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который každогодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для каданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнами, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идогъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черешомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вы-

¹ *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Геркена*, *Codex dipl. Brand. V.* 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 37, 72, 84. II. 12. *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 71. 79.

² *Саксо грам.* 823—824.

нутый въ ножень, идолъ держалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человѣческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книтлинга-сага, давая Кореницимъ идоламъ названія Рививта, Турупва и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руянскихъ идолахъ Пизамара и Чарноглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ, потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ *Chronica picturata*, нельзя не считать безсмысленной поддѣлкой⁴. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разной величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра, золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней, — и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книтлинга-Сага. 122: стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Маха: *Die gottesdienst. Alterthümer der Oberriten*. Berl. 1771. *Beiträge*. Schwerin. 1774. *Потоцкаю*, *Voyage dans la Basse-Saxe*. 1794. *Лессюва*, *Ueber die Aechtheit der sogenan. Rundenkmaeler*. Berl. 1835. *Буларила*, *Россія*. СПб. 1837. *Исторія*. I, 225 и слѣд. Выписки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевска* (*Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496*, гдѣ помѣщенъ словарь миеологій Слав.) и *Галуша* (*Die Wissenschaft des Slaw. Mythus*. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Иттемана Grundtraek til en nordslavisk Gudelære* (Нѣм. переводъ въ *Neue Provincialblätter*. IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 53.... *penates, quibus agri et oppida redundabant*. Не позволяю себѣ рѣшить, что должно понимать подъ пенатами.

имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами или съ нѣсколькими лицами; но, кажется всѣ имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частию рѣзаной изъ дерева или литой изъ металла, частию сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали болѣею частию стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдалища или ложа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ: — «Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начать кричати: охъ мѣ, охъ! и слова внизъ вверхъ палицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и бойтеся безумніи чловѣци, на мосту семъ»¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образъ чернаго звѣря².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Всѣ эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, всѣ онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрскомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцыри и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца, хранящееся въ Монбизу, въ Берлинѣ, имѣетъ то же видъ щита³. Генцилю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу⁴. Идолъ Руjevита вооруженъ былъ восемью мечами; между при-

¹ Лѣтописецъ. М. 1781. Стр. 34.

² Саксо грам. 838. Срав. Эббо. 82.

³ Сефридъ. 134. Эббо. 80. Ледбургъ, Die Königl. Museum im Schl. Moubijou. Berl. 1838. Стр. 23 - 24.

⁴ Титмаръ. VII, 50. Лѣтописецъ. М. 1781. Стр. 34.

надлежностями Святovidа былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись копыя; въ Юлиѣ какъ святины хранилось копые на высотѣ большаго столба¹. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторые изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святovidа, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись на войнѣ².

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли³, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ. — Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ⁴. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должные дары⁵. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоцѣнную чашу, подаренную Святovidу Арконскому Датскимъ королемъ Свеномомъ⁶. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладныя ~~суды~~, въ которые поклонники бросали то, чѣмъ ждали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда⁷.—Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святovidа имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу⁸. Саксо грам-

¹ Эббо. 62. Андрей. III, 9.

² Саксо грам. 830.

³ Саксо грам. 825, 834.

⁴ Саксо грам. 826.

⁵ Титмаръ. VI, 17.

⁶ Саксо грам. 825—826.

⁷ Эббо. 56. Кирхберъ. 53 (Jahrbücher für Slawische Literatur. 1843. Стр. 405).

⁸ Саксо грам. 825.

матикъ говорить еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ — о десятой долѣ, какъ собственности храма ¹. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупами плѣнныхъ ².—Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина, и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святoviда дать монету ³. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Арконскаго и Радагаста Ретрскаго ⁴. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что нибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельскою торговлею, должны были также, преждеachatя закупи сельдей, принести законную дань Святoviду ⁵. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, по крайней мѣрѣ, у Руанъ въ отношеніи къ храму Святoviда ⁶.—Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накоплялись сокровища, удивлявшія современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни, ткани и различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

¹ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

² Гельмольдъ. I, 39.

³ Саксо грам. 825.

⁴ Гельмольдъ. I, 21.

⁵ Гельмольдъ. I, 6. II, 12.

⁶ Гельмольдъ. I, 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРЯДЫ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благодѣиіе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Богослуженныя обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому же, всѣ Славяне сохранили или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительнo одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянъ. — Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участие другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современ-

¹ Титмаръ. VI. 17

ники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличаетъ это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣдѣніемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти ¹. Если жрецы и не составляли касты, то все же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу ². Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣстами, владѣли богатствами ³. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руянѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь ⁴; не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святозей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилицъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народами; они были главными посредниками между божествомъ и человекомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилица и очищать его ⁵. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ ⁶. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена и всѣ богатства храмовъ ⁷. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ мошельщикамъ съ увѣщаніями. Примеромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникѣ Святovidа: при концѣ

¹ Саксо грам. 826.

² Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалк Тур. Annal. Perul. IX (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844. 95—96.)

³ Эббо. 65. 76. Сефридъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 84. II, 12.

⁴ Гельмольдъ. II, 12.

⁵ Саксо грам. 826.

⁶ Саксо грам. 826. Сефридъ. 109.

⁷ Титмаръ VI, 17. Саксо грам. 825.

богослужебнаго обряда жрецъ присутствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ¹. Что такіа увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего наставляли народъ оставаться при вѣрѣ предковъ². Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святovidу въ Арконѣ³; такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились къ храмъ умолять тѣхъ боговъ, я, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова; боже сомнѣнія молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наполни рогъ свѣжимъ виномъ и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣдъ⁴. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву заколалъ жрецъ и по закланіи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій⁵. Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ⁶. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «калдувъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многаго другаго, служить и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчій «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдоваць»—жрецъ, а «калдов-

¹ Саксо грам. 825.

² Эббо. 65. Седриде. 128 и пр.

³ Саксо грам. 824.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824.

⁵ Титмаръ, IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II; 12.

⁶ Жрецы отъ жертвы. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва.

ница» или «далловинше» — жертвенник¹. Жрецы были и гада-
телями, истолкователями прорицаний: Несторъ рассказываетъ о
волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская
о ворожее, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогому; жи-
вописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецахъ, совершавшемъ
гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеехъ и жребіеметателяхъ,
которыхъ цѣль запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ гово-
ритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ —
о важности жреца Аркенскаго, какъ истолкователя гаданій, —
объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, чтобы олу-
шевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ — о
томъ, что жрецъ гадалъ объ урожаѣ будущаго года по вину,
наливаемому въ рогъ Сватовидовъ, и совершалъ гаданія конемъ;
Козьма Пражскій — о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательни-
цѣ, — еще объ одной вѣщунцѣ, совѣтовавшей исполнить волю
боговъ для одержанія побѣды, — о томъ, что князь Братиславъ
изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадаелей, жребіеметателей;
шѣсна Крамлерской рукописи «о пораженіи Татаръ» поминаетъ
о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздохетахъ и кудесникахъ», гадав-
шихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ — о «гада-
чахъ, пророкахъ, птицегадателяхъ, вѣщдахъ, волхведахъ и
волхвидахъ», и пр.² Изъ всего этого видно, какъ разнообраз-

¹ Гутсманъ, Deutsch - Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянской корень есть: клд—колд—калд—клюд—куд (какъ тѣк—толк—талк—тук и пр.). Клудириъ—клюдити въ Чеш.: значить очищать, собирать жатву—успокоивать,—отнимать, уничто-
жать (mog pmojno lidi klidi). Кудити въ Срб. значить—произносить
бранныя слова, заговаривать, презирать,—удалить). Тутъ смѣшаны
два корня—куд—кадъ и куд—кудъ (куджъ). Отъ втораго корня въ Срб.
происходятъ слова: кудженик (ругатели) кудженје (клевета); въ Хрт: ку-
дити (бранить), кујати (дуть, дышать,—шептать?); въ Чеш: кудити
(бранить), кудолъ (густой дымъ; срав: чуд запаха), кузло (чара), ку-
лнми (чаровать), кузелникъ (кулесникъ), паскуда (нечистота), паску-
дити се (ругаться, ссориться), паскудикъ (rheuma); въ Польш: паскуда
и пр., въ Рус: кудо, кудеса (срав: чудо, шуло), кудесникъ, куделарь,
паскудитъ, прокудитъ и пр. — В. С. Караджичъ, Срб. Рјеч-
ник. 349. J. Стулли, Rjecoslozje. Dubrawnik. 1806 I. 364. Ярникъ,
Etymologik. 152. Мурко, Slov. Ném. Besednik. Grätz. 1833. I. 153.
Юнманъ, Slownik. I, 321. II, 40, 216. III, 37. Лунде Slownik. II, 641.

² Лѣтописецъ. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Винницкаго,
Hist. Liter Pol. t. 274—275. Собринъ. 409. Титмаръ. VI, 47. Гель-

на была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно, что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою семейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а, обращаясь къ богу, моельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. — Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи, во время праздника Коляды, упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огней, на которыхъ сидѣли моельцы, окружая старика жреца; можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаемъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ

молды. I, 39. II, 12. *Сакоо грам.* 826, 827. *Кольма Праж.* 11. 20, 27, 197. *Краледвор. рпсѣ*. III, 47—60. *Вацерады*. 212, 222, 223, 229. Сна-
ченіе слова *вѣщица* понятно О словѣ *Кудесникъ-Ковзедник*, см. выше.
Что же касается до слова *волхвъ* (вълхвъ-вълхвъ), то Копитаръ про-
изводитъ его отъ «вльснжти» (вльснжщенъ языка—linguae balbutien-
tes. Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг нар. есть до сихъ поръ *волхвъ-волхвъ*
(прорицатель) и *волшина* (брань); въ Хрв: есть *вуховѣцъ-вуховѣцъ* (python)
и *вухвица* (pythonissa). См. I. *Бълостъница*, *Gazophylacium Latino-*
Illiric. Zagrab. 1740. I, 1005. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.)
губерн. есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть
волштити (хитрити). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волхвѣ:
(вин. пад. «Волхви») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ *Несторъ*,
ib. 10—11. Пѣсню о чародѣѣ Волхвѣ Всеславъевичѣ см. въ *Древ.*
Рус. Стихотвор. 45.

¹ *Списиревъ*, Рус. празд. II. 69.

храмъ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли ¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ ².—О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фонланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ ³. То же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаемъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показался одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ ⁴. Въ Крамледворской рукописи въ томъ же смыслѣ употребляются выраженія: «klanieti se bohom» и «biti v czelo przied bohu», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ «покланѣтисѧ», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *rokłon* стар. *rokłona*, значитъ то же, что русское «поклоненіе» ⁶. Польское выраженіе «szolem bić», Чешское, «selem bití», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать» ⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикосаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваженіе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка нятаго его лица, лежавшаго на груди: по остроумной

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 824.

³ *Ибнъ-Фонланъ*. 9.

⁴ *Эббо*. 79. *Сефридъ*. 129.

⁵ *Крамледвор. рпс.* VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ *Остремір. Еванг.*: поклонници поклоняются отцоу (л. 31)—*Vulgat.*: adoratores adorabunt patrem. Въ Чеш. Еванг. Іоанна X въ-ка: abihu ze poclonili—*Vulg.*: ut adorarent, *Slownik Polsko-francuz.* Berlin. 1844. стр. 1632. *Wlasciwu poklon samemu Bogu ma być od-dawan.*

⁷ *Ланде*, *Slownik.* I, 375. *Юнманъ*, *Slownik.* I, 273.

догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ мелятвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говорить, незабытымъ Славянами и до сихъ поръ ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой словесіа, просьбы и благодарности. Отъ — молитвъ словесіа — дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «*prokni ida kol obieti bohom slauu blasase i zachazeie kezwcicie ne meskase*» ². Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокости!» или «благословенъ еси, госидѣ, благословивъ сынѣвъ своихъ» ³. Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, пѣютъ пѣсни, «за славе божије» ⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катаячича и Свеара словесная пѣсня въ честь бога Лада: «Лени Иво терга роже, теби, Ладю, свети боже! Ладю, слушај нас, Ладю! Песме, Ладю, певамо ти, сердца наше клавјимо ти! Ладю, слушај нас, Ладю» ⁵. — Въ молитвахъ предѣльныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грамматика ⁶. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторя-

¹ *Тиверій*, Historia rit. Slav. Lusat. infer. V. § 3 «Дать чоломъ» у МРуссовъ называется—ударить рукою въ руку въ знакъ уваженія; это заставляютъ теперь дѣлать только дѣтей.

² *Краледвор. рсѣ*. IV 169—170

³ *Сахаровъ* Сказанія Рус. нар. Кн. III и *Светиревъ*, Рус. праздни-ки. IV, 65, 70, 85. *Бярецкій*, Колядки № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгрии.

⁴ *В. С. Караджичъ*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Свеаръ*, Ogledalo Illirium. Zagreb. 1830. 14. *Катаячичъ*, Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum Zagreb. 1795 112.

⁶ *Козьма Праж.* I, 10. *Прокошъ*. 113. *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рсѣ*. IV, 146.

ются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозлину съ борзыхъ коней сыновей женить, — дай, дай, Боже, тебѣ хозлюшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди Боже жито, пшеницю, усяку иашницю, усяку пашницю, у полѣ ядро, а въ домѣ добро»¹. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра². Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryla psenica i gnoch, w koczogze, w obogze, dej ci Panie Boze»³! Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «daj Boze štjastja, daj Boze dolju» или: «nek was ran Buoh obobati»⁴. У Хорутанъ поется: «Vog daj wedro!» или «Vog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole»⁵. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјај, сјај, Боже, и божију, нашему господару»⁶. Такія же пѣсни — молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсень, гдѣ поется: «Vog daj, Vog daj dobar večer, dobro leto! mi smo posaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore»⁷. О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и ялять»⁸. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славяннѣ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благотворенія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельство современниковъ в преданіи объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи.

¹ Сахаровъ. ib. 11 и слѣд. Слутуревъ, ib. II, 65, 70, 85. Паули, Piesni ludu Rus. I, 10.

² Бурецкій, Колядки. № 1.

³ Паули, Piesni ludu Pol. 9. — 10.

⁴ Коларъ, Zpiewanky. I, 409.

⁵ Коритко, Pesme Krainskiga naroda. I, 19.

⁶ В. С. Караджичъ, Срп. Рѣченик. 40.

⁷ Коритко ib. I, 91.

⁸ Востокова, Опис. рисей Румян. Муз. 228.

при совершении благодарственной жертвы за победу, каждый из воинов, проходя мимо, возглашал богамъ славу, и въ этомъ славословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ славословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными¹.

Молитвы пѣлись, хотъ и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «blasati milich slow» и просто «blasati» значить молиться²; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali hlasem w lese bluczniŃ, z zhosna hrrdla uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie druа sira lesa»³. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужбныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошъ⁴. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаеть врестьяномъ вгоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія»⁵. О пѣсняхъ-молитвахъ сопровождавшихъ обрядъ гаданія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христіанъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»⁶. Въ доказательство же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служить упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ⁷. Очень не мудро, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождалась звуками инструментовъ, какъ это было при богослужбныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ, были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона⁸. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языче-

¹ Прибавивъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «дзкъ» (дзкъ, дика, dzięk) означаетъ «славу» въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

² Краледвор. рпсѣ. VI, 47, 237.

³ Краледвор. рпсѣ. IV, 132—134.

⁴ Эббо.—Длугошъ, V, 9.

⁵ Востоковъ. ib. 229.

⁶ Краледв. рпсѣ. III, 58.

⁷ Масуди. 320.

⁸ Сефридовъ. 105.

ской религии Славянъ, а вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «*риенсе добра жилюи бози*»¹, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда, что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе².

III.

Молитвы сопровождалась жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мѣрное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшномъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній нельзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено, впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебнымъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ ободрѣннѣ поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовопія, аства

¹ *Кралеве рпсѣ*. VI. 57.

² Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *баевъ балеевъ* и *чусларовъ* (incantatores).

и оружія: о нихъ есть свидѣтельства, довольно разнообразныя и любопытныя.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были незначительны благонвоныя куренія какъ жертвы¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно вѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысля къ божеству и совершали его двумя способами — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуется обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несомнѣннъ забытыхъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или Новогодія, и въ праздникъ Купалы, или Креса—въ половинѣ года². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно палаху»³. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣлствуютъ живописанія св. Оттона, а также и законченныя сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтаря. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Ругѣ) считается священнымъ, въ чемъ нельзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній нельзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣлствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «гі'ханъ» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ⁴.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣлъствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса⁵. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ,

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные—болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возжигаются огни весною и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

³ Густинская лѣтопись. 207.

⁴ Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

⁵ Масуди. 320.

иваетъ, что они прѣѣзжала къ острову св. Георгія и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ ¹. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я прѣѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей.... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, что принесено, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который бы купилъ у меня все, что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торгова его идетъ худо и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господи!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; тебѣ обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное примоситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволитъ мнѣ; онъ пріималъ мой даръ» ². О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ в сказаніи отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Падвлянинъ, отринувши шестомъ плившаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перушище, достя еси пилъ и ялъ, а вынѣ плви уже проче» ³. Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и коро-

¹ *Константинъ Порфир.* 9.

² *Ибнъ-Фоцланъ.* 7—9.

³ *Карамзинъ И. Г. Р. I.* пр. 463.

они нѣтъ ломят... моленное то брашно дают и ядят... ставят лише кумиром трапезы кетѣйныя и законьнаго обѣда, иже нарѣцается беззаконная трапеза, ивнишая роду и рожаницамъ»¹. Въ переводѣ Григорія Назіанзинна читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбоу створи на студени, ажда нмы отъ него»². Это напоминаетъ о лѣтней игрѣ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лій, лій, дождичку! наварю тобі борщичку!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ³. Что возношенія яствами были въ обычаяхъ и у язычниковъ Чеховъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ поражениі»: «krmie bohom—сказано такъ—давадись «w zampku», и послѣ бѣтвы надобно было «dat rokna bobowow»⁴. У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разные лотва, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Отгона Бамбергскаго, происходили ежедневно⁵. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ празднества Свитовида, рассказываетъ, что «жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ вѣдолъ, къ ногамъ его въ возліаніе ему, и, наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человека. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руля, видать ли они его. Когда они говорили, что видать, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы»⁶. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кнѣшей, пироговъ и, поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». «Отець семейства

¹ Востокова Опис. р. Рум. М. 229.

² Переводъ Григорія Наз. Библиогр. Листы. 88

³ Древ. Рус. Стихотворенія 226, 339.

⁴ Краледвор. рпс. IV, 41, 42, 234.

⁵ Андрей. 10.

⁶ Саксо грам. 824—825.

долженъ състь на покути, за лучшей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хлѣба-жь вы мене не бачите!»,—и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «дай же боже, щобъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ¹.

Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, нельзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Нельзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокаго понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами предлагать на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцланъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсни Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычники Славянъ всякій день желалъ потребить яства и питія освященныя.

Тотъ же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возношены были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что на принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ пѣсна Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pobraiebat wrch i dat pekrm bohonom, i tamо ohom spazam dat mnostuie obieti, a iim blasat milich slow i iim oguzie pobitih wrahow»². О такомъ же возношеніи вражескаго оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ³. Оченьне

¹ К. Сементовскаго Замѣчанія. 36.

² Краледвор. пснь VI. 250—255.

³ Сефридъ. 105.

мудрево, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не мѣняло характера обряда: священныя оружіа могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовида и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы оскверненія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Проконій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, — что они, видя себя удрученными болѣзнию или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жвана, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая, что этою жертвою спасали себя жизнь¹. Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще². Почти въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзіна: «Овъ несущимъ богомъ жьреть... овъ рѣкъ богыцѣмъ нарицаетъ и звѣрь живущъ въ нѣмъ яко бога вариая трѣбѣмъ творить. Овъ дѣю жьреть, а другыи дивни... Овъ моущьнъ смоть творя оубиваетъ»³. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закланія жертвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весной, сельские, праздуя для пастуховъ яиръ, готовятъ къ нему пирогъ въ видѣ овна, для того, чтобы онъ, какъ жертва богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берегся у пастуховъ какъ лекарство для овецъ⁴. Ясно о жертвахъ закланія у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху ѳсомъ, осквернаху землю тербами своими и оскверниа кровьюи земля Руска и холмъ отъ»⁵.

¹ Проконій. III, 14.

² Масуди. 221.

³ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁴ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шарншской столицѣ, въ Венгріи.

⁵ Несторъ. 34. *Трѣба-потрѣба* (слово, известное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если, впрочемъ, взять въ расчетъ Польш. *trzebić* и Луж. *trjebić-wutrzebać* (настрирывать), то *трѣ-*

Упомянуто о нихъ и Митрополитъ Илларионъ въ своихъ словѣхъ, замѣчая, что, освятившась учениемъ Христовымъ, «уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ»¹. Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаѣ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія². Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Порфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христіолюбца: «и куры имъ рѣжутъ», и у Льва Діакона — о приношеніи въ жертву вѣтуховъ при обрядѣ погребенія³. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закалали своимъ богамъ быковъ и овецъ и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за вдолами⁴. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ, имѣли обычай—говорить Преторій—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшенъ и хлѣбовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучитъ домовая, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домашнего надъ лошадью⁵. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку и, разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ: наконецъ взяли вѣтуха и кури-

ба должна означать только жертву закланія. Фрейзин. Отр. 2-й: *Oztanem zich mirzich del ese sunt dela sotonina, ese trebu tuorim, ese bratra oclevuetam, etc* строка 20. У Люнебург. Славянъ словомъ *treba* (*trewa-triwe*) назывались Рождественскіе святки. *Геннингъ*, подъ слов. *Weihnacht*.

¹ *Илларионъ* въ Прибавъ къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.

² *Карамзинъ*. II. Г. Р. I. пр. 236.

³ *Константинъ Порфир.* 9. *Востоковъ*. ib. 228. *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

⁴ *Ибнъ Фоцланъ*. 9.

⁵ *Преторій*. *Weltbeschreibung*. II, 162—163

цу, зарѣзали в бреслях туда же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою — лѣса стоять дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоять, скамьи стоять дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поють пѣсни кождѣ души. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотяжь козла зарѣзати»². По свидѣтельству Длугоша, были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносили быки овцы и быки, во время празднисть, на которыя собирался народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнають, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряють гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и равнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія определялъ праздниства, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы повѣсть божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесть по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»⁵. Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго праздниства Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Руаны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда⁶. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ⁷. У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесе-

¹ Ибн. Фозланъ. 11—29.

² Снегиревъ ib. II. 69.

³ Длугошъ. V, 9.

⁴ Титмаръ. VI, 17.

⁵ Гельмольдъ, I, 56. Сравни. Анонима Chron Slav. XVIII *Lindenbrag. Scriptores*. 211.

⁶ Саксо грам. 824.

⁷ Гельмольдъ. II. 12.

ція жертвъ закланія; впрочемъ, свѣдѣтельство Козьмы Пражскаго о пещи едва ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть. «Чехи—пишетъ онъ—преданные глупымъ суевѣрїямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья, объятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этому жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»¹. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва ли это не опска.—

Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносились были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того, чтобы водушеваться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ образомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя, употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могла повѣрять, что смертію животного можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закачалось, а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ,

¹ Козьма Праж 1, 97.

нѣз чего нибудь сдѣлывали, или же самый обрядъ закланія замѣнать приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приносятся могли и злomu богу, челоуѣку враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ приношенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ тѣмъ нибудь большимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были оченьъ обычны у Славянъ сѣверо-западныхъ и восточныхъ, это доказывается остатками, находимыми въ горюдищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пепла, углей, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное, приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «*prode wsie druа wlozie obieti bohohom*». Воймиръ, одержавши побѣду, *schiese obiet wzdati bohohom w ziem ze miestie, w ziem ze krocie slunce*; но отложилъ по совету Честмира и возонилъ къ богамъ: «*Ne ziarste sie, bozi, szesmu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slanci*». Честмиръ совѣтовалъ ему тогда: «*Dluzna obiet bohohom, uesse Cestmir; a ninie nam na wrahi rozpjeti; ninie wadni ti na rucie konie, proletaj lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam a ceati skala bogom zamilena, na icie wrh obietni bohohom, bohohom suim sprasam, za wicestuie w zادهch, za uicestuie w praisiedie. Neze sie poznajie, ze slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze slunce postupi wterim krokem i krokem traisietim nad wrsini lesne, doida voi tamo, kdie obiet tuoie pouieie w slupach dimu: pokoraj sie wsie woiska, tudi iduce.*» И Воймиръ перелетѣлъ черезъ лѣса въ дубраву, «*na wrsie skali zanieti obiet bohohom suim sprasam za uicestuie wzادهch, za uicestuie wpraisiedie, im obietoua krauciu boiniu*». Любопытно тутъ описаніе самого обряда сожженія жертвы: «*Pzapolase obiet i blizise sie noi k uualu, iz uuala wzboru w dubrawu. Uoi oznuccieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida kol obieti, bohohom slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase, i kehdi dochazese posleda noiew, wskoci Voimir na suoi ruci komon*»¹. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то

¹ Краледвор. рцсь IV, 22, 123—124, 135—136, 143 152, 155—157, 164—170. Въ Чеш. жертва называется *obět* (Вацерадъ. 219. Юрманъ II.

можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общешародныя, и что, наконецъ, они были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князья не явѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ. по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна». видимо происходяшія отъ «жрѣти» — сожигать¹. Жертвы сожженія сопровождали иногда погребальный обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженія копей выветѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи выветѣ съ мертвыми уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы; у которой оторвали прежде голову, едва ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и нельзя понять значенія и цѣль обряда².

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаху сыны своя и дщери — говоритъ Несторъ — и жаряху бѣсомъ, обкверняху землю тѣребамъ своими, и оскверниша кровью землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не называлъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумаромъ съ людьми своими. И рѣша старци и бояре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицю, на кого же падеть, того зарѣжемъ

761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ по обѣщанію упоминають многіе современники.

¹ Они употребительны у многихъ Славянъ *жертва* (жертва) почти у всѣхъ югозападныхъ (извѣстно было и *Вацераду*. 231); *жаризна* — у Поляковъ (*zarzuzna*) и Словаковъ. Сравни. *жаровице* (по *Вацераду* — *rita*, *rogum*. 230). *Жрѣти* одного корня съ *жарити*, по обычному смачченію: въ *жс* (гоить-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), *galbns* Лат.), *gelb* (Нѣм.) — желтый; *glans*, *glandis* (Лат.)-желудь; *galle* (Нѣм.)-желчь; *ganne* (Лит.)-жена и пр.

² *Ибнъ Фоцланъ*. 15, 17.

богомъ. Баше Варягъ одинъ—держаше вѣру хрестянецкую, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душою, на сего паде жребиа... Рѣша пришедше посланни къ нему, яко паде жребим на сынъ твой, изволиша бо в бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не датъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша людямъ; они же вземше оружье, поидоша на нѣ, и розыаиа дворъ около его; онъ же стояше на свѣнхъ съ сыномъ своимъ.... И посѣкоша сѣни подъ нима, и такъ побяша въ¹. Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не заколемъ бѣсоу другъ друга»². Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносилась—по его словамъ—люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ³. Объ обычѣ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гѣбѣхъ боговъ⁴. То же говорятъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили хрестіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть приносенъ въ жертву. Святovidу приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁵. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе летописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и предводителемъ Эпшономъ; такъ и архіепископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками, потомъ возмъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Хрестіанства, въ Петръ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту; какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ разворенія Мальдорна⁶.—Изъ всего этого видимъ, что въ жертву

¹ Вестеръ, 35

² Иларіонъ. ib 235

³ Длугошъ. V, 9.

⁴ Титмаръ, VI, 17.

⁵ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Анонима Chr. slav. ib. 211.

⁶ Гельмольдъ. I 23. II, 12. Адамъ. Брем. IV. 12, 167. Сравъ Гельмольдъ, I 23. Петерсенъ De Danskер toge til Venden. II. 3. въ *Annaler for Nordisk oldkyndighed*. Kiöbenhavn 1838. 11. Ср. Гельмольдъ Г. 16.

приносили танныхъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ,—что, впрочемъ, жребій большее частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношей и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединяться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносили была иногда только голова человѣка ¹. Замѣтимъ, еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ и украшали религиозныя торжества послѣ войны или битвы. На это нельзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другого человѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго,—столько же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ болѣзнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилоостивить очищеніемъ, и это очищеніе въра ихъ находила въ погребеніи животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія разсказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили» ². Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя, то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ—то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подалъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступить. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на

¹ *Bernhardi*, Bausteine zur slaw. Mith. II, Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² *Levъ Діаконъ*. IX. 6.

вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ челоуѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна мимо ихъ. На лодку ставили нары, для того, чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатерь, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и витіями. За тѣмъ слѣдовало привесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наковецъ раздѣвали, вводили въ шатерь, и тамъ умерщляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался, — и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ, что было въ ладѣ, сгорала¹. И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы². Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминковъ по душѣ покойнаго, веселья пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какаго нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для дальничковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безнравственный. Нельзя предположить себѣ ни для какаго народа никакого безнравственнаго обычая, который бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно попятной, но все-таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

¹ Ибнъ Фоцланъ. 11. 21.

² Маерикій XI, 5. Тутмаръ. VIII, 2 Масуди. 317 и пр.

IV.

Гаданія составляли стольже необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣнiе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимостью своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинанiи зналъ впередъ, можетъ ли не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданiй основывались на вѣрованiи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Множество преданiй дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданiяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданiй принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно; даже и послѣ паденiя язычества, хотъ и совершенно въ его духѣ; религiя же освящала очень немногiе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадаю о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть-ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень не сложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался; тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненiи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребiю¹. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрiй. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребiю рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженiя въ храмѣ Ретрскомъ.

¹ Слово *Жрѣбii* (жеребей, жрижеби, жриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удѣла, и т. п. Сравни. *Шилкевича*. Корпусловъ. I. 2. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

Жрецы сидѣли и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дервомъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданія упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руане гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя безъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣда². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинявъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали на деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе въ некоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено³. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest cngi poloziču, i iu na čuie polie gozseriču, pruei pole Kublai imie wzdiechu, vterei polie krali imie wzdiechu, vetchimi slovesi nad sim wzpieču. Pociču tresti spolu voieuati, i trest kublajoua swioezise*⁴. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохранилась вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что вола есть символъ зла⁵. Къ этого же рода гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чашѣ или рогу: объ отгадыванья урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогѣ Святонида разсказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ⁶. Подобнаго рода были гаданья водою на рѣшетѣ, въ мѣшѣ и проч: они сохранились у Русскихъ и были въ старое время у Поляновъ⁷. Были такого

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 827—828.

³ Сефридъ. 108

⁴ Краледвор. пѣсь III. 54—60.

⁵ Сахаровъ. ib II. 14.

⁶ Саксо грам. 824. Сефридъ. 105.

⁷ Сахаровъ. II. 65, 68, 69. Вишевскій, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

рода религиозных гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Прокопій, — и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питаютъ чудесники къ нечени, къ дыму, къ куреньямъ¹. — Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ: — «Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣйною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острия двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ бы вдохновеннаго коня, о томъ же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставалъ свое предпріятіе»². Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками копья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ отъ другаго разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ конья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предназначеніемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою, прежде нежели правою, то задуманное предположеніе изиѣнилось. Равно и морской походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сразу предсказывалась удача»³. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замыслили сухопутный походъ противъ непріятелей или какой навады, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на землю девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежащія конья три раза назадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начи-

¹ Прокопій. III, 14. Сахаровъ. II, 40, 13

² Титмаръ. VI, 17. Выписку изъ Chronica August. см. у Гримма Deut. Mith. II 628.

³ Саксо грам. 826—827.

насъ; если же ковь трогалъ ковья ногою, то походъ былъ отлагасемъ¹. Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычай и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть, напротивъ, слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морещкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычай гаданья конемъ во время свѣточныхъ гаданій². Русскія дѣвушки, гадаю о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь,—и если лошадь зацѣпнеть за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житее несчастное; если же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смиренный, и житее счастливое. Салются также на лошадь, и, завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня³. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно, и многія другія, судя потому, что въ сѣверныхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю бо жества хотѣли узнавать не по какому нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они, впрочемъ, были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того, что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ принося жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу⁴: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если

¹ *Сефриды*. 107.

² *Морещкинъ* въ переводѣ *Рейца*, Истор. Рос. Заков. 1836. 352. *Сахаровъ*. II, 67. *Снегиревъ*, Рус. празд. II; 43 и 49. Сравн. слова *жербми* и *жербцы*, (сл. *Jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 390.)

³ «О книгахъ истин. и лож.» у *Калайдовича*, Іоаннъ Экв. Болг. 211.

⁴ *Гельмольдъ.*, I, 52. Сравн. у *Иларіона* «жертвенныи крове вкушающе погибасемъ». ib. 236.

только и это знаніе не было общимъ для всего народа, — намъ участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь, напротивъ, вуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно или не поняты совсѣмъ, следовательно не во жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славетъ настройками, сдѣланными въ его кувогѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначавшими тамъ будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились¹. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планетамъ) глядеть», — и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу: — «Прива Ольга волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша смерть твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»² Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говорить и Козьма Пражскій: такъ говорить онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была прорицательницей; она предсказала и будущее величіе Праги; тамъ она говорить и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращался съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ³. Нельзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческаго имѣло часто религіозный смыслъ, какъ знаемъ изъ хроникъ Прокоша, который, упоминая о немъ, прибавляетъ, что, по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива⁴. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говорить о предсказаніяхъ, какъ о религіозныхъ

¹ Масуди. 320.

² Новгор. Лѣт. М. 1781. 9.

³ Козьма Пражск. 11, 20, 27.

⁴ Прокошъ. 113.

обрадѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, назваться натянутымъ. Для того же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свидѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, нельзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ они употреблялись, что ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрсакаго и Святовида Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считались зависящими и народъ и князь¹. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось повинѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ,—и старожилы еще заимнать, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго². О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу»³. Выборъ людей во что нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достопамят. III. 186.

⁴ Снеицковъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацьёвскій, Hist. prawodawstwa Slow. II. 179—187. Снеицковъ, ib. III. 213—216.

жребій имѣлъ религиозное значеніе, видно не разислуживъ къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфиронаго, Титмара, Нестора и Гельмольда¹.

V.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предъидущее изслѣдованіе,— между прочимъ на игры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ². Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умиловать боговъ, напр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертвого и т. д. Впрочемъ, хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религиозныя празднества,— и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

¹ Гельмольдъ. I, 53. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфир. 9. Несторъ. 35.

² Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. II, 11.

Такия праздниства должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ же дни, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ маѣ, праздникъ Святювида Арковскаго осенью послѣ жатвы, и пр.¹ Очень немудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ праздниства жрецъ—говорить Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія². Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самого обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гаданьемъ не рѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь же очевидна, если вспомнимъ, что праздниства повторялись ежегодно въ определенное время, а что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлять день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошъ³. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались внѣ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ, возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Дитмару, Гельмольду и Саксону грамматнику. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; не могу, однако, не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ

¹ Гизебрехтъ, ib. I. 85.

² Гельмольдъ I, 53.

³ Несторъ. 34 39. Гельмольдъ. I, 53. Длугошъ V, 9.

Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ брагъ изъ руки идола рога, и если находилъ, что напатка въ немъ было, то предсказывалъ бесплодный годъ, а если напатока оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ возліаніе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ и, почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величина, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жертвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая, какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ духъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобныя, съ

¹ Саксо грам 824—825

такимъ же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія ¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго ². Они совершались у самого святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмы, въ которыхъ пировали люди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три континны, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи и пр ³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготовляемы были и собираемы другія яства. Обычай собиранія яствъ въ общенародныя языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, шедрованьи, и т п ⁴. Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго, что пиръ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому—то на нихъ поминали боговъ, пили за здравіе кубки о славіи божіей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастьи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа ⁵. Такъ же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако піют о долѣхъ своихъ ⁶». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравитцы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе ⁷.—Къ празднованію пировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминають Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе ⁸.

¹ Гельмольдъ I, 53, 84.

² Гельмольдъ. I, 52 *Сефридъ* 105.

³ *Сефридъ*. 105.

⁴ Когда собираютъ яства, ходя отъ дома въ дому.

⁵ Гельмольдъ I, 53.

⁶ *Востокова* Опис. р Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія *Бернарди*, *jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 237.

⁸ *Востокова*, ib. 229.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ плясѣхъ переряживаніи, разныхъ представленіяхъ, болахъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненія показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «скожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища. ¹» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ же Несторъ: дьяволъ льститъ превабля ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслими и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко уникати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви ²». Христолюбецъ въ своемъ словѣ увѣщиваетъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская» ³. О тѣхъ же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ прѣвилахъ: «паны же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще държаше обычая треклятыхъ Елиинъ въ божественныя празднигы позоры нѣкани бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница и быющеса дреколіемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты» ⁴. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочскъ не бити» ⁵. Но языческіе обычай этихъ не кончались; они воздѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи къ намѣстнику Псковскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣсается въ бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ невпріязненъ кличъ,

¹ Несторъ. 6.

² Несторъ. 73.

³ Востоковъ. ib. 228.

⁴ Рус. Досгонам. I. 114.

⁵ Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долині, въ Кариніи, сохраняется отчасти до сихъ поръ страшный обычай бити бочки, какъ принадлежность храмоваго праздника.

всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ выхляніе и ногами ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Объ обычаѣ религиозныхъ игръ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошь: «Въ честь боговъ—говорить онъ—введены игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоюго пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хотъ вотъ уже пятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаѣ»². Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ въ своемъ путешествіи близъ Приица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣсями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившамъ путниковъ. Тамъ же находимъ упоминаніе о праздествѣ Юлинскомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества и т. п.⁴. О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», упоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаѣ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослужебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаны были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованія въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ также весело и разнообразно, какъ и всякое другое религиозное празднество. Юрнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы,

¹ Карамзинъ И. Г. Р. УИ. пр. 372

² Длугошь. V, 9.

³ Гельмольдъ I, 52.

⁴ Ссфридъ 60. Бертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern I, 566. II. 35

⁵ Козьма Пражскій. 21.

рыщари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пирь, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Теофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ началъ на князя Мусокія въ рас-
 плохъ, въ то время, когда князь этотъ, праздноя поминны по
 своемъ братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³.
 О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря
 между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своемъ Малѣ,
 Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминовенія усоп-
 шихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ да еще у Ваце-
 рада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова
 былъ другой; «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице»—
 мѣсто боя, а «тризникъ»—подвижникъ; «тризнити» въ Чеш-
 скомъ значить бить, а «тризновати» не только бить, но и на-
 смѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися-тризнитися»—веселить-
 ся, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить,
 что въ старину тризной называлось празднество, соединенное
 съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно срав-
 нить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад), назва-
 ніе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ
 мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ намогильной, но и въ
 играхъ⁶. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на
 могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ⁷.
 У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «stupa»
 (сред. Лат. stips): онъ соединяется также съ пѣснями и играми.
 Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ
 замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzebu krwi-
 oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym dru-

¹ Горнакъ, De Getharum origine et rebus gestis. 49.

² Линде, Słownik. III. 431—432.

³ Теофилактъ у Стриттера Мет. пор. II, 61.

⁴ Добровскій, Грам. Слов. I, 158. Вацерадь. 228.

⁵ Несторъ. 6, 24, 29: тризна-тризно. Юнманъ, Słownik IV. 664.

⁶ Снепуревъ, Рус. праздники. III, 47—54.

⁷ Голембѣвскій, Lud polski 269.

giego zabitego do nieba; aby oznajmil co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говорятъ Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ бы для успокоенія душъ, и играща надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣсились². У Хорутанъ до недавнаго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.³.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ, и общихъ, и совершавшихся по какому нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то же вѣрованіе въ благость боговъ, ту же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

¹ *Линде*. V. 456.

² *Козьма Пражскій*. 197.

³ *Вальвазоръ*, *Die Ehre* II. Krain. Laibach 1689 II 287—304.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечень главных положеній, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противорѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главные основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ же. Не мудрено, что были и мѣстные особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главные черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь извѣстны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мнѣніями, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мифологіи Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому, что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и — храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ, храмы — исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что современемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни семейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ — славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жертвоприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ молитвы, жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ, а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрчяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми дѣются и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества, со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли, и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ прорицаній замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые по-

священны были въ тайну проищанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ, частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляють предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ; изъ того же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми—пляской, пѣснями, борьбой и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, ежегодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.

